

УДК 343.92; 343.973

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(5).676-686

УРОВЕНЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В.В. Меркурьев¹, М.В. Ульянов¹, Е.П. Горшечникова²¹ Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация² Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 марта 2020 г.

Дата принятия в печать

30 октября 2020 г.

Дата онлайн-размещения

20 ноября 2020 г.

Ключевые слова

Терроризм; преступность; миграционная политика; линейная зависимость; распространенность угроз; география преступности; факторы

Аннотация. Отмечая глобальную угрозу терроризма, авторы указывают на необходимость изучения этого негативного явления на основе эмпирических данных с учетом региональных особенностей. С использованием методов кластерного анализа (программа SPSS Statistics) статистических данных о количестве преступлений террористической направленности авторами анализируется распространенность террористической угрозы на территории Российской Федерации. Выявлены три центра террористической напряженности: Северо-Кавказский федеральный округ, Москва и Республика Татарстан. Кроме того, авторы попытались установить линейную зависимость между динамикой террористической преступности и такими факторами, как социально-экономическое положение и миграция. Произведенные расчеты показали отсутствие причинно-следственной связи между имущественным положением и терроризмом. Социально-экономическое положение не является основным фактором, формирующим состояние террористической угрозы, несмотря на его существенное воздействие. Это справедливо и применительно к указанным центрам напряженности. Аналогичные выводы имеются и в зарубежных исследованиях по данной тематике. Кроме того, не удалось подтвердить и зависимость между миграционным коэффициентом (приростом на 100 тыс. населения региона) и уровнем террористических преступлений. При этом отмечено, что недостаточно контролируемые внешние и внутренние миграционные процессы влияют на распространение экстремистской идеологии. В подтверждение этому приведены сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в соответствии с которыми за последние годы количество иностранных граждан, совершивших преступления террористической направленности, постоянно увеличивалось, причем ими совершались практически все виды преступлений террористической направленности. Таким образом, невозможно выделить единственный основной фактор терроризма. Система детерминации террористической преступности представляет собой сложную взаимосвязь негативных процессов во всех сферах общественной жизни (экономической, социальной, управленческой, идеологической, криминальной), что отражается на психологическом состоянии социума в целом. Целесообразно уделить особое внимание анализу личности террористов, а также лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность.

TERRORISM THREAT LEVEL IN THE CONTEXT OF MODELING THE IMPACT OF MACROECONOMIC INDICATORS

Victor V. Merkuryev¹, Mikhail V. Ulyanov¹, Elena P. Gorshechnikova²¹ Research Institute of University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation² University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 March 4

Accepted

2020 October 30

Available online

2020 November 20

Abstract. The authors call terrorism a global threat and point out the necessity of studying this negative phenomenon on the basis of empirical data while taking into consideration regional specifics. They use the methodology of cluster analysis (SPSS Statistics software) of statistical data on the number of terrorism crimes to analyze the spread of this threat on the territory of the Russian Federation. Three centers of terrorism tensions have been identified: North Caucasian Federal District, Moscow and the Republic of Tatarstan. Besides, the authors attempted to establish a linear dependence between the dynamics of terrorism crimes and such factors as socio-economic situation and migration. The calculations showed that there is no cause-and-effect link between material status and terrorism. The socio-economic situation is not the key factor that

Keywords

Terrorism; crime; migration policy;
linear correlation; threat spread; crime
geography; factors

creates the condition of terrorism threat, although its impact is considerable. This is equally just for the above-mentioned centers of tensions. Foreign researcher of this problem come to similar conclusions. Besides, the correlation between the migration coefficient (increase per 100 th. inhabitants) and the level of terrorism crimes has not been proven. At the same time, it is mentioned that the insufficiently external and internal migration processes influence the spread of extremism ideology. To prove this, the authors present information from the Court Department of the Supreme Court of the Russian Federation, according to which in recent years the number of foreign citizens who commit terrorism crimes has been steadily growing, and they have been involved in practically all types of terrorism crimes. It is thus impossible to identify a single key factor of terrorism. The system determining terrorism crimes consists of a complex interaction of negative processes in all spheres of public life (economic, social, governance, ideological, criminal), which is reflected in the psychological state of society as a whole. It is expedient to pay special attention to the analysis of the personality of terrorists as well as persons who get involved in terrorism activities.

Превратившись в глобальную угрозу международной безопасности, терроризм характеризуется ростом масштабов преступной деятельности международных террористических организаций. Это подтверждают и данные Глобального рейтинга терроризма 2018 г., составленного Британским институтом экономики и мира¹. В соответствии с ними, несмотря на снижение количества жертв терроризма в период 2014–2017 гг., число террористических атак почти в каждом регионе мира за последние 15 лет в среднем возросло.

В 2017 г. 84 % погибших от терроризма приходилось на десять стран: Афганистан (25 %), Ирак (23 %), Нигерию (8 %), Сомали (8 %), Сирию (6 %),

Пакистан (5 %), Египет (3 %), Конго (3 %), ЦАР (2 %) и Индию (2 %). В условном рейтинге распространения террористических угроз Российская Федерация находится на 34-м месте из 138.

Как в отечественных [1–3], так и в зарубежных [4; 5] исследованиях самое пристальное внимание уделяется изучению феномена терроризма на основе эмпирических данных с учетом региональных особенностей, а также анализу влияния отдельных факторов на террористическую преступность.

Изучение региональных особенностей террористической преступности показывает, что в период 2006–2018 гг. наибольшее количество преступлений террористической направленности было зарегистрировано в Северо-Кавказском, Приволжском и Центральном федеральных округах (табл. 1). Вместе с тем следует

¹ Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism. Institute for Economics and Peace, Sydney. 2020. August 19. URL: <https://www.economicsandpeace.org/report/global-terrorism-index-2018>.

Таблица 1 / Table 1

Динамика количества преступлений террористической направленности, зарегистрированных в 2006–2019 гг. в федеральных округах*

Dynamics of the number of terrorism crimes registered in Federal Districts in 2006–2009

Федеральный округ / Federal District	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Центральный / Central	303	28	20	25	24	14	17	16	49	70	140	192	213	248
Северо-Западный / Northwestern	84	8	7	11	6	2	5	8	8	17	49	58	88	67
Южный / Southern	36	2	5	11	9	7	9	9	29	64	119	141	143	154
Северо-Кавказский / North Caucasian	685	628	539	533	464	576	565	579	883	1 168	1 572	1 146	840	917
Приволжский / Volga	232	35	26	28	30	4	12	21	97	116	193	164	186	195
Уральский / Ural	53	7	6	12	13	4	3	2	20	45	68	76	91	111
Сибирский / Siberian	143	12	12	12	12	5	5	10	16	39	49	47	53	46
Дальневосточный / Far Eastern	63	6	10	8	10	1	2	0	11	13	31	25	54	63

* Составлена по данным статистической формы «Антитеррор» «О преступлениях террористического характера и экстремистской направленности» за 2006–2019 гг.

учитывать, что с 2013 г. более половины зарегистрированных преступлений этой категории совершены за пределами территории Российской Федерации и связаны с участием в незаконных вооруженных формированиях, террористических сообществах и организациях.

По числу преступлений террористической направленности доминировал Северо-Кавказский регион. При этом очевидно, что резонансные террористические посягательства и инфраструктура терроризма постепенно вышли за пределы республик Северо-Кавказского федерального округа, распространились на другие регионы страны. Угрозы экстремистского и террористического характера стали наблюдаться в тех регионах, для которых подобные проявления были большой редкостью (например, Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа).

Тенденция «расползания» террористической угрозы по всей территории Российской Федерации сохранилась и в 2019 г. Сложившаяся ситуация прежде всего связана со сменой стратегии и тактики преступной деятельности международных террористических организаций. Распространенный характер приобрела тактика использования террористов-одиночек в сочетании с созданием так называемых спящих ячеек, объединяющих пособников террористической деятельности в региональные сетевые структуры по всей России [6, с. 127]. Так, если в 2006 г. преступления, предусмотренные ст. 205 «Террористический акт» УК РФ, регистрировались лишь в трех округах, то в 2019 г. — почти во всех округах Российской Федерации (рис. 1).

Наглядно данная тенденция прослеживается на примере сравнения географии выявленных преступлений террористической направленности в периоды с 2011 по 2013 г. и с 2014 по 2016 г. с применением методов кластерного анализа (рис. 2 и 3).

Группировка по кластерам значений показателя «выявленные преступления террористической направленности» в период с 2011 по 2013 г. позволяет выделить две группы субъектов Российской Федерации. Первая группа (кластер) объединяет 40 субъектов, в которых было совершено от 1 до 6 преступлений за три года. Во вторую группу вошли три субъекта, в которых совершено от 14 до 33 преступлений, — Ставропольский край (14), Республика Татарстан (18), Москва (33).

Намного выше, чем в иных субъектах, значения рассматриваемого показателя в республиках Дагестан, Ингушетия, Чеченской, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской, что не позволяет объединить их в отдельный кластер.

Иная картина наблюдается в период с 2014 по 2016 г. Прежде всего отмечается существенный рост значений рассматриваемого показателя практически во всех регионах страны. Одновременно снизилось количество регионов, в которых не выявлялись преступления террористического характера. Если в предыдущий период субъектов с нулевыми значениями показателя было 39, то в 2014–2016 г. — лишь 8. Такое выравнивание значений показателя террористической преступности позволило выделить четыре группы.

Первая группа с низкими значениями показателя объединила 57 субъектов, в которых совершено от 2 до 24 преступлений.

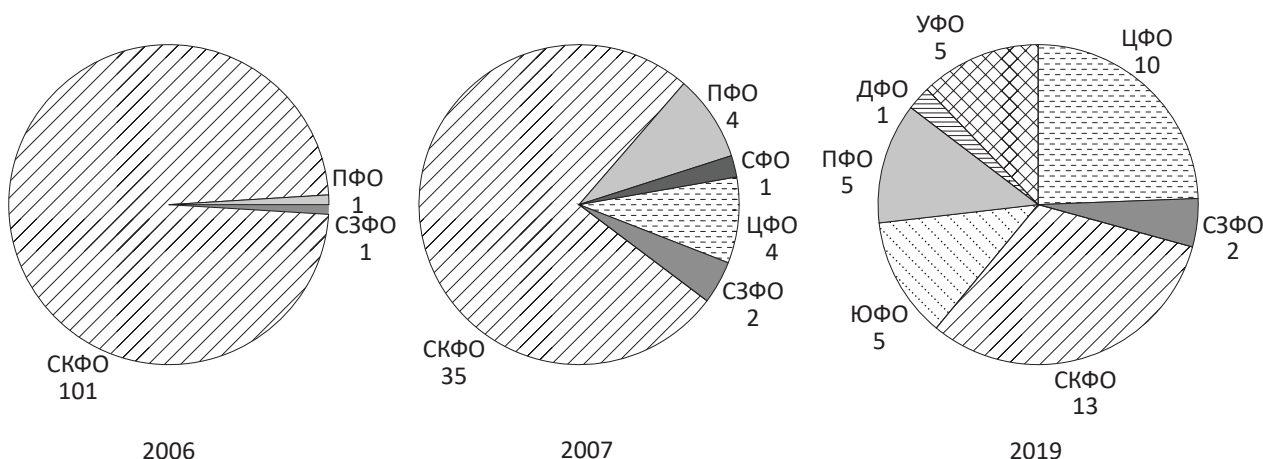

Рис. 1. Количество преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ, по федеральным округам

Fig. 1. Number of crimes under Art. 205 of the CC of the RF, by Federal District

Рис. 2. Картография выявленных преступлений террористической направленности в период с 2011 по 2013 г. (распределение по кластерам получено с использованием программного обеспечения — пакета SPSS)

Fig. 2. A map of registered terrorism crimes in 2011–2013 (SPSS package used for the distribution into clusters)

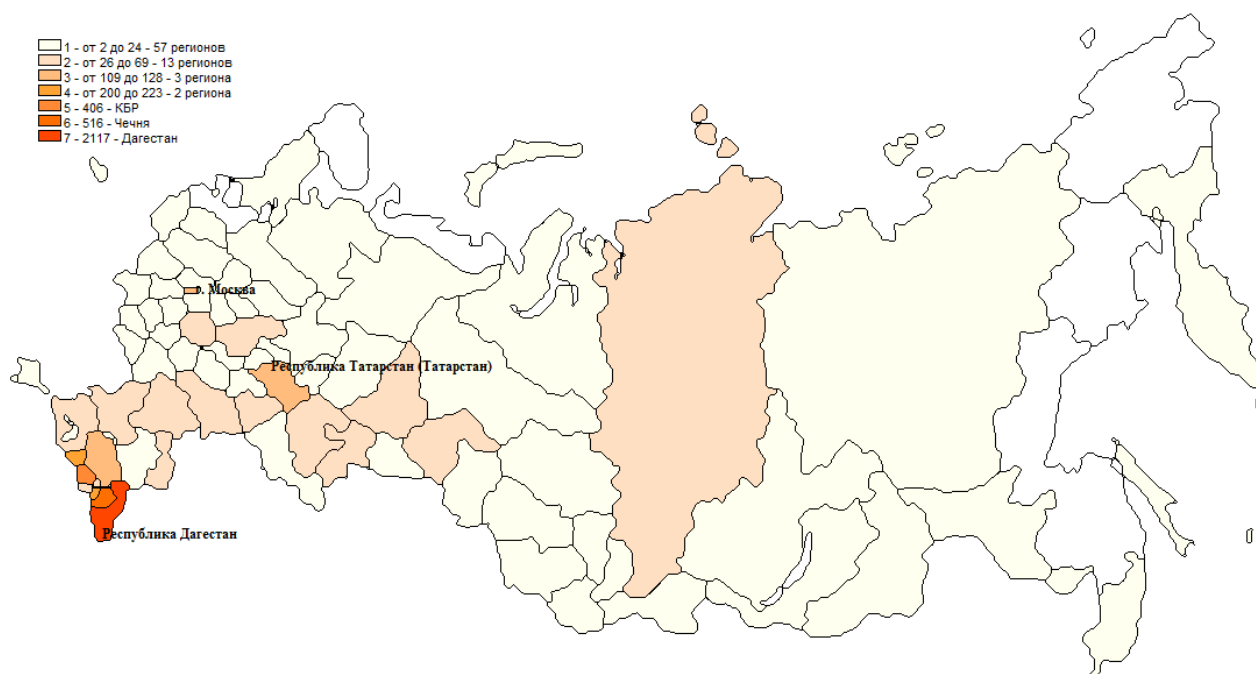

Рис. 3. Картография выявленных преступлений террористической направленности в период с 2014 по 2016 г.

Fig. 3. A map of registered terrorism crimes in 2014–2016

В отдельную группу выделилось 13 регионов (республики Северная Осетия — Алания и Башкортостан, Краснодарский и Красноярский края, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Оренбургская, Саратовская, Ульяновская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области). Здесь в анализируемый период с 2014 по 2016 г. было совершено от 26 до 69 преступлений.

В третью группу вошло три региона (от 109 до 128) — Ставропольский край (109), Республика Татарстан (120), Москва (128). Данные субъекты сохранили свое положение в качестве отдельного кластера, как и в предыдущем периоде.

Четвертая группа включает Карачаево-Черкесскую Республику (200) и Республику Ингушетию (223). Отдельно выделяются республики Дагестан, Чеченская и Кабардино-Балкарская с учетом их высоких значений показателя.

Исходя из представленных данных можно выделить три центра напряженности — Северо-Кавказский федеральный округ, Москву и Республику Татарстан.

Жителями регионов Северо-Кавказского федерального округа ежегодно совершается свыше 60 % всех регистрируемых в России преступлений террористической направленности. Здесь по-прежнему высока внутренняя террористическая угроза, действуют вооруженные группировки, совершающие нападения на сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, с 2013 г. Северо-Кавказский федеральный округ является основным поставщиком участников террористической деятельности в Сирийской Арабской Республике.

В числе основных причин разрастания террористических угроз традиционно называют социально-экономическое положение. Тем не менее в зарубежных исследованиях, в которых моделируется влияние макроэкономических показателей на распространенность террористической угрозы, не приводится убедительных доводов о том, что в бедных государствах уровень терроризма выше, чем в странах с высоким уровнем дохода. То же самое относится и к конкретным регионам внутри государств. Изучение личности отдельных участников террористической деятельности также не выявляет причинно-следственную связь между бедностью, неравенством и терроризмом [7–9].

Важно отметить, что изучение влияния социально-экономических факторов на преступность в целом находит отражение во многих отечественных исследованиях. Одновременно

с оценкой влияния социально-экономических факторов на уровень преступности [10] уделяется внимание таким аспектам, как увеличение разрыва между реальными доходами населения и привлекательными жизненными стандартами [11], социально-экономическое неравенство [12], низкий уровень социального обеспечения граждан, способствующий вовлечению в преступную деятельность [13, с. 28] и т.д.

Полученные нами результаты расчетов линейной зависимости демонстрируют определенное влияние показателей социально-экономического положения на динамику числа преступлений террористической направленности. В то же время требуется критически оценивать экономические показатели. В частности, учитывать, что позитивная динамика социально-экономического положения субъектов Российской Федерации не всегда приводит к увеличению качества жизни².

Отдельно нами были рассмотрены сведения, касающиеся Северо-Кавказского федерального округа как одного из центров напряженности. Зависимость между социально-экономическим положением регионов СКФО и уровнем террористической преступности в период 2014–2016 гг. демонстрирует *очень слабую* корреляционную связь: коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,105 (при значимости 0,341).

В остальных субъектах Российской Федерации выявлена более высокая степень корреляции. В период с 2011 по 2013 г. коэффициент корреляции составил 0,318, в период с 2014 по 2016 г. — 0,320. И тот и другой период характеризуются, таким образом, *слабой значимой* корреляционной связью анализируемых показателей (рис. 4).

Можно утверждать, что социально-экономическое положение оказывает непосредственное влияние, но не становится основным фактором, формирующим состояние террористической угрозы. Особенно это относится к определенным нами центрам напряженности.

Еще одним фактором распространения террористической угрозы, требующим отдельного рассмотрения, является миграция населения, которая включает в себя и международную миграцию [14]. Напомним, что большинство ре-

² Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf (дата обращения: 07.11.2019); Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf (дата обращения: 07.11.2019).

Рис. 4. Сравнение социально-экономического положения регионов в 2014 г. и числа выявленных преступлений террористической направленности (по данным за 2014–2016 гг.) с трендами (данные сгруппированы по преступлениям)

Fig. 4. Comparison of the socio-economic situation in the regions in 2014 and the number of registered terrorism crimes (according to data for 2014–2016) with trends (data grouped by crime)

Составлен по данным: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2014 года.
 URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf

гионов России характеризуется миграционной убылью. В 2015 г. основными регионами миграционного прироста по абсолютному показателю

являлись Москва и Московская область, затем с большим отрывом — Краснодарский край. Лидеры по миграционной убыли населения —

Республика Дагестан и Ханты-Мансийский автономный округ³ (рис. 5).

В отдельных регионах сходство характеристик исследуемых элементов наиболее заметно. Например, население Ханты-Мансийского автономного округа, одного из лидеров по миграционной убыли, на протяжении многих лет восполнялось преимущественно за счет международной миграции. На этом фоне после 2015 г. количество террористических преступлений здесь стало существенно возрастать, и в два последних года регион характеризовался самыми высокими показателями среди остальных субъектов Уральского федерального округа.

Рассчитанная нами зависимость между коэффициентами миграционного прироста на 100 тыс. населения и уровнем террористической преступности демонстрирует отсутствие корреляции (коэффициент корреляции Спирмена составил $-0,099$). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что миграция населения, не будучи определяющим фактором территориальной распространенности террористической преступности, тем не менее оказывает на нее непосредственное влияние в целом по

стране. Речь идет как о распространении экстремистской идеологии, так и о проникновении в страну лиц, причастных к деятельности международных террористических организаций, что является следствием неэффективного реагирования на незаконную внешнюю миграцию.

В подтверждение этого приведем заявление директора ФСБ России А.В. Бортникова на 47-м заседании Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ, который предупредил о том, что террористы возвращаются из зон вооруженных конфликтов в СНГ по каналам нелегальной миграции, которые организуются при участии транснациональных преступных сообществ и коррумпированных чиновников на местах. В государствах пребывания они получают поддержку этнических преступных группировок, формируют подпольные ячейки, вербуют сторонников и пособников в среде трудовых мигрантов, иностранных студентов, а также в местах лишения свободы [15].

Неконтролируемая внутренняя миграция влечет перенос вектора функционирования террористических сетей с Северо-Кавказского федерального округа на другие регионы России и возникновение в них террористической угрозы. Так, в соответствии со сведениями Су-

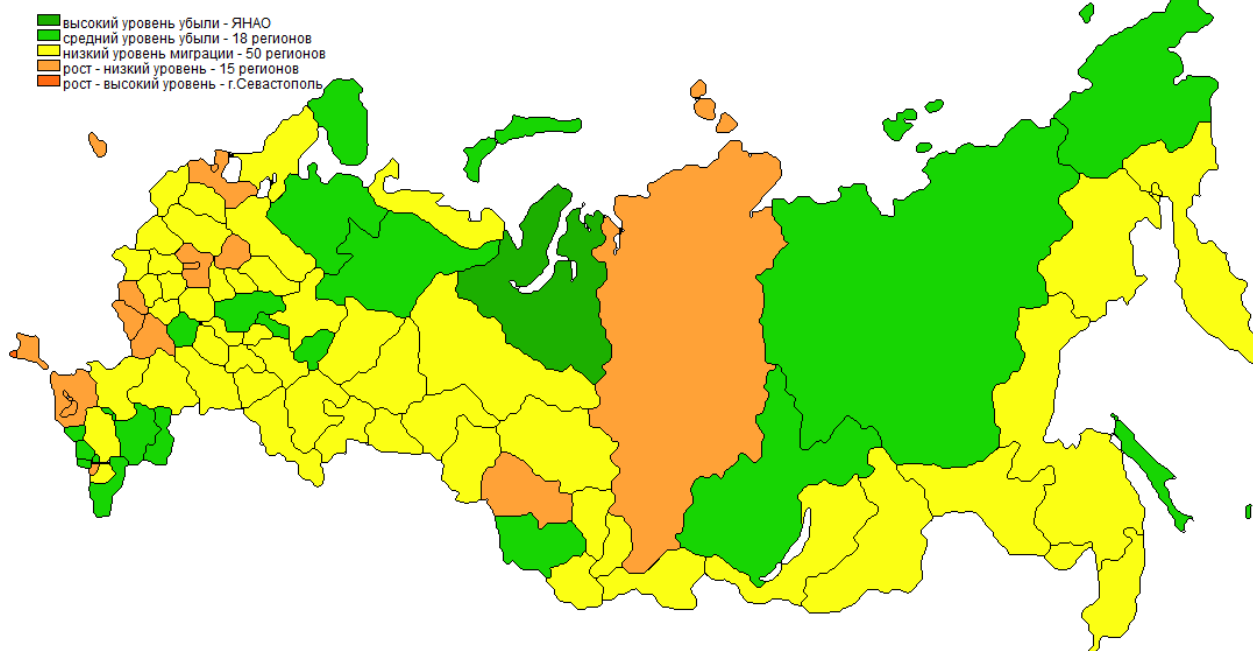

Рис. 5. Картография коэффициента миграционного прироста на 100 тыс. населения

Fig. 5. A map of the coefficient of the growth of migration per 100 th. inhabitants

дебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние годы количество иностранных граждан, совершивших преступления террористической направленности, постоянно увеличивалось, причем ими совершались практически все виды преступлений террористической направленности. Особенно высока их доля среди осужденных по ст. 205.1 УК РФ, ст. 205.3 УК РФ и ст. 205.5 УК РФ (рис. 6, табл. 2).

На наш взгляд, совершенно неверно игнорировать негативное влияние миграционных потоков на террористическую преступность и распространение экстремистской идеологии.

По словам секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушева, особую опасность представляет экспансия на российскую территорию законспирированных ячеек международных экстремистских и террористических организаций посредством миграции. В 2018 г. в Центральном федеральном округе было ликвидировано 15 каналов незаконной миграции, возбуждено 186 уголовных дел по фактам коррупции в этой сфере [16].

Стоит отметить, что в ряде иностранных государств, несмотря на усиление экономической интеграции, активное использование

трудовой миграции, а также зачастую самую миролюбивую публичную риторику политических деятелей по наиболее острым вопросам миграции, тенденции к либерализации иммиграционной политики и пограничного контроля отсутствуют [17].

Итак, изучение региональных особенностей террористической преступности позволило нам выделить три центра напряженности — Северо-Кавказский федеральный округ, Москву и Республику Татарстан. В целом по стране констатируется определенное влияние показателей социально-экономического положения, которое тем не менее не является основным фактором, формирующим состояние террористической угрозы.

Представляется, что речь должна идти скорее о наличии внутренних экономических противоречий и экономическом неравенстве. На этом фоне неконтролируемые миграционные процессы приводят к проникновению в страну лиц, причастных к международным террористическим организациям, и распространению экстремистской идеологии.

В то же время очевидно, что такие существенные факторы детерминационного комплекса терроризма, как исторические, религиозные, социально-психологические де-

Рис. 6. Динамика числа лиц, осужденных за совершение преступлений террористической направленности в период с 2013 по 2019 г., в аспекте их гражданской принадлежности

Fig. 6. Dynamics of the number of persons convicted for crimes of terrorism in 2013–2019, from the standpoint of citizenship status

Составлен по данным: О результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям террористической и экстремистской направленности (ф. 10.4.2) : отчет Судеб. департамента при Верхов. Суде РФ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-sudebnogo-departamenta-pri-verkhovnom-sude-rf_222/otchet-o-rezultatakh-rassmotreniya-ugolovnykh_1

Таблица 2 / Table 2

**Гражданская принадлежность лиц, осужденных в 2019 г. за совершение преступлений
террористической направленности по статьям УК РФ (ф. 10.4.2)**

**Citizenship status of persons convicted for crimes of terrorism under the Criminal Code
of the Russian Federation (form 10.4.2) in 2019**

Статья УК РФ / Articles of the CC of the RF	Всего осуждено / Convicted, total	Из них граждане СНГ и иных государств / Inc. citizens of the CIS and other countries	Доля иностранных граждан, % / Share of foreign citizens, %
Статья 205 «Террористический акт» / Art. 205 «Terrorist act»	23	4	17
Статья 205.1 «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера...» / Art. 205.1 «Involvement in crimes of terrorist character...»	78	31	40
Статья 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности...» / Art. 205.2 «Public calls for performing terrorism activities...»	103	25	24
Статья 205.3 «Прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности...» / Art. 205.3 «Knowingly undergo training that has the goal of performing terrorism activities...»	11	4	36
Статья 205.4 «Создание террористического сообщества...» / Art. 205.4 «Creation of a terrorism community...»	1	0	—
Статья 205.5 «Организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, либо участие...» / Art. 205.5 «Organizing the work of an organization that is recognized as a terrorist one under the legislation of the Russian Federation, or participation...»	115	31	27
Статья 205.6 «Несообщение о преступлении» / Art. 205.6 «Non-disclosure of a crime»	49	11	22
Статья 206 «Захват заложника» / Art. 206 «Taking a hostage»	5	0	—
Статья 208 «Создание и участие в вооруженном формировании...» / Art. 208 «Organization and participation in an armed entity...»	106	0	—
Статья 209 «Создание и участие в вооруженной группе...» / Art. 209 «Organization and participation in an armed group...»	3	0	—
Статья 211 «Угон судна...» / Art. 211 «Hijacking a vessel...»	1	0	—
Статья 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами...» / Art. 220 «Illegal handling of nuclear material...»	3	0	—
Статья 278 «Насильственный захват власти...» / Art. 278 «Forcible seizure of power...»	3	0	—
Статья 281 «Диверсия» / Art. 281 «Subversion»	3	0	—
Статья 282.2 «Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения...» / Art. 282.2 «Organization and participation in the work of a public or religious union ...»	7	3	43
Статья 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» / Art. 317 «Attempt on the life of a law enforcement employee»	4	1	25
Статья 318 «Применение насилия в отношении представителя власти» / Art. 318 «Use of violence against a representative of authority»	4	1	25
Иные / Others	24	10	42
<i>Всего / Total</i>	543	121	22

терминанты, организационные упущения и др., к сожалению, невозможно «высчитать». Каждому из данных компонентов по отдельности как в нашей стране, так и за рубежом посвящено немалое количество научных работ. Причем по мере нарастания транснационального характера преступности значительно увеличивается криминогенность отдельных детерминантов. Особое значение в этом смысле мы придаем идеологическим детерминантам, являющимся цементирующим элементом. Более того, современную ситуацию, на наш взгляд, можно охарактеризовать как идеологическое вторжение в жизнедеятельность российского социума с учетом степени общественной опасности и интенсивности распространения экстремистских идей.

Исходя из этого считаем возможным отметить, что совокупность причин террористической преступности представляет собой сложную систему взаимосвязанных негативных процессов, происходящих в экономической, социальной, управленческой, идеологической и криминальной сферах общественной жизни. Все это отражается на психологическом состоянии социума в целом, в связи с чем особое внимание необходимо уделить анализу личности террористов и лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность. Кроме того, не следует забывать и о том, что, как и десятилетия назад, терроризм имеет свойство превращаться в инструмент политики и международных отношений [18], что неминуемо отражается на распространении данного явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства / под ред. П.В. Агапова. — Москва : Изд-во Ун-та прокуратуры РФ, 2019. — 236 с.
2. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций на территории Российской Федерации / под ред. В.В. Меркурьева. — Москва : Изд-во Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. — 124 с.
3. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под ред. Р.В. Жубрина. — Москва : Проспект, 2016. — 655 с.
4. Investigating the Applicability of Macro-Level Criminology Theory to Terrorism: A County-Level Analysis / J.D. Freilich, A. Adamczyk, S.M. Chermak [et al.] // Journal of Quantitative Criminology. — 2014. — Vol. 31, № 33. — P. 383–411.
5. Ravndal J.A. Explaining Right-Wing Terrorism and Violence in Western Europe: Grievances, Opportunities and Polarization / J.A. Ravndal // European Journal of Political Research. — 2018. — Vol. 57, iss. 4. — P. 845–866.
6. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры, 2017 год : информ.-аналит. записка / под ред. О.С. Капинус. — Москва : Изд-во Ун-та прокуратуры РФ, 2018. — 232 с.
7. Krueger A.B. What Makes a Terrorist? Economics and the Roots of Terrorism / A.B. Krueger. — Princeton : Princeton Univ. Press, 2007. — 180 p.
8. Piazza J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism / J.A. Piazza // Journal of Peace Research. — 2011. — Vol. 48, iss. 3. — P. 339–353.
9. Piazza J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development and Social Cleavages / J.A. Piazza // Terrorism and Political Violence. — 2006. — Vol. 18, iss. 1. — P. 159–177.
10. Мухин А.А. Оценка влияния социально-экономических факторов на уровень преступности / А.А. Мухин // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2005. — № 2. — С. 76–82.
11. Костина Е.Ю. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).795-805 // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 795–805.
12. Гилинский Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) / Я.И. Гилинский // Публичное и частное право. — 2010. — № 1 (5). — С. 7–20.
13. Жубрин Р.В. Детерминанты преступности в Российской Федерации / Р.В. Жубрин, Н.В. Колесникова, Е.П. Горшечникова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 4 (72). — С. 22–28.
14. Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации / под ред. Р.В. Жубрина, О.А. Евлановой. — Москва : Проспект, 2019. — 392 с.
15. Бортников А. Боевики уходят в чат / А. Бортников // Российская газета. — 2019. — 7 нояб. — URL: <https://rg.ru/2019/11/07/aleksandr-bortnikov-rasskazal-ob-ugrozah-dlia-sodruzhestva.html>.
16. Патрушев Н.П. Патрушев рассказал, что все больше мигрантов вовлекают в терроризм / Н.П. Патрушев // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/politika/6963940>.
17. Surveillance without Protection: Policing Undocumented Migrant Workers in an American Suburb / H. Sung, S. Delgado, D. Pena, A. Paladino // British Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 56, iss. 5. — P. 877–897.
18. Грачев А.С. Политический экстремизм / А.С. Грачев. — Москва : Мысль, 1986. — 271 с.

REFERENCES

1. Agapova P.V. *Deyatel'nost' organov prokuratury po preduprezhdeniyu prestuplenii protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva* [The Work of Prosecution Bodies on Preventing Crimes against the Basics of Constitutional Order and State Security]. Moscow, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2019. 236 p.
2. Merkuriev V.V. *Protivodeistvie verbovochnoi deyatel'nosti mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsii na territorii Rossiiskoi Federatsii* [Counteracting International Terrorist Organizations' Recruitment Activities on the Territory of the Russian Federation]. Moscow, Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation Publ., 2017. 124 p.

3. Zhubrin R.V. (ed.). *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossiiskogo obshchestva* [Theoretical Foundations of Crime Prevention at the Present Stage of Development of Russian Society]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 655 p.
4. Freilich J.D., Adamczyk A., Chermak S.M., Boyd K.A., Parkin W.S. Investigating the Applicability of Macro-Level Criminology Theory to Terrorism: A County-Level Analysis. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 31, no. 33, pp. 383–411.
5. Ravndal J.A. Explaining Right-Wing Terrorism and Violence in Western Europe: Grievances, Opportunities and Polarization. *European Journal of Political Research*, 2018, vol. 57, iss. 4, pp. 845–866.
6. Kapinus O.S. (ed.). *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiiskoi Federatsii i rabota organov prokuratury. 2017 god* [The State of Law and Order in the Russian Federation and the Work of the Prosecutor's Office (2017)]. Moscow, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2018. 232 p.
7. Krueger A.B. *What Makes a Terrorist? Economics and the Roots of Terrorism*. Princeton University Press, 2007. 180 p.
8. Piazza J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism. *Journal of Peace Research*, 2011, vol. 48, iss. 3, pp. 339–353.
9. Piazza J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence*, 2006, vol. 18, iss. 1, pp. 159–177.
10. Mukhin A.A. Estimation of the Influence of Socio Economic Factors on the Crime Rate. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2005, no. 2, pp. 76–82. (In Russian).
11. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Socio-Economic Determinants of Crime in Modern Russian Society. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 795–805. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).795-805. (In Russian).
12. Gilinsky Ya.I. Social and Economical Inequality as a Criminogenic Factor (From K. Marx up to S. Ol'kov). *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2010, no. 1 (5), pp. 7–20. (In Russian).
13. Zhubrin R.V., Kolesnikova N.V., Gorshechnikova E.P. Crime Determinants in the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutors Office of the Russian Federation*, 2019, no. 4 (72), pp. 22–28. (In Russian).
14. Zhubrin R.V., Evlanova O.A. *Problemy protivodeistviya nezakonnoi migratsii v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of Counter-ing Illegal Migration in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 392 p.
15. Bortnikov A. Militants are migrating to messenger chats. *Rossiiskaya Gazeta*, 2019, November 7. Available at: <https://rg.ru/2019/11/07/aleksandr-bortnikov-rasskazal-ob-ugrozah-dlia-sodruzhestva.html>. (In Russian).
16. Patrushev N.P. Patrushev said more and more migrants are getting involved in terrorism. *TASS*. Available at: <https://tass.ru/politika/6963940>. (In Russian).
17. Sung H., Delgado S., Pena D., Paladino A. Surveillance without Protection: Policing Undocumented Migrant Workers in an American Suburb. *British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 5, pp. 877–897.
18. Grachev A.S. *Politicheskii ekstremizm* [Political Extremism]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 271 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Меркурьев Виктор Викторович — заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: merkuriev-vui@mail.ru.

Ульянов Михаил Владимирович — ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: otd_29@agprf.org.

Горшечникова Елена Петровна — старший научный сотрудник отдела Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: niigp@msk.rsnet.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Меркурьев В.В. Уровень террористической угрозы в контексте моделирования влияния макроэкономических показателей / В.В. Меркурьев, М.В. Ульянов, Е.П. Горшечникова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).676-686 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 5. — С. 676–686.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Merkuryev, Victor V. — Head, Department of Research Support for Prosecutor's Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Sphere of Federal Security, Inter-racial Relations and Extremism Counteraction, Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: otd_29@agprf.org.

Ulyanov, Mikhail V. — Leading Researcher, Department of Research Support for Prosecutor's Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Sphere of Federal Security, Inter-racial Relations and Extremism Counteraction, Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: otd_29@agprf.org.

Gorshechnikova, Elena P. — Senior Researcher, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: niigp@msk.rsnet.ru.

FOR CITATION

Merkuryev V.V., Ulyanov M.V., Gorshechnikova E.P. Terrorism threat level in the context of modeling the impact of macroeconomic indicators. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 676–686. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).676-686. (In Russian).